

Глава первая

1. Вести из тёмной зоны (девочка)

Тогда он решил попробовать по-другому. Улыбнулся, но чувство было странным, — холодок внутри, — осторожно набрал: «Кто ты?»

На экране немедленно появился ответ: «Супергерой». И смайлик.

Он подождал. Необходимо было избавиться от этого странного чувства. Написал: «Что значит: снова пришло время поиграть?»

«А ты как думаешь?»

«Но ведь тогда все закончилось».

«Нет!»

Убрал пальцы с клавиатуры. Лёгкая дрожь на самых кончиках. Всё же вчера немного перебрали. Не выходит по-другому. Давно не выходит. Тут же вернул руки на место: «Откуда ты знаешь?»

«Проанализировал его тексты. И ваш компьютер. Глория?» И опять смайлик.

«Ксения», — поправил он. Дурацкое ощущение, что играет в чужую игру, лишь усилилось.

«Это была шутка», — смайлик. — «Я не путаю имён. Ксения, конечно. По имени твоей дочери».

«Нет, — отчеканил он одним пальцем. — Она здесь ни при чём».

РОМАН КАНУШКИН

«Как хочешь, — много смайликов. — Тебе удобней так считать».

Ну вот, это странное чувство модифицировалось: недоверчивая ирония, как будто ярмарочного простачка разводят мошенники, совсем ушла. Осталась глухая тревога, и за ней что-то смутное, неопределимое, не паника, конечно, но словно из какой-то тьмы выступило, повернулось бледное хитрое личико и уродливо подмигнуло.

Он снова набрал: «Кто ты?!!!»

«Супергерой!»

Теперь смайлики просто посыпались, и ещё гирлянда салюта — да там прямо настоящее веселье...

Он подождал. Тихо скрипнул зубами, и контроль вернулся. Написал: «Это не ответ. Это просто имя».

Повисла пауза. Явно не на раздумье. Скорее, насмешливая издёвка. Затем побежали буквы: «Ответ тебе известен. Вот и выговори его сам».

Снег почти сошёл, и пахнет арбузами. Как в детстве. А мне скоро пятнадцать. И я ничего не знаю. Порой мне бывает очень весело, но у меня нет даже парня. А почти у всех есть. Ну да, я много читаю, наверное, очень много, но это единственная моя «старомодность». Сажу в телефоне, как все. Не только переписываюсь, но и шарю по интернету, мне интересно... Я и разговариваю, как все, а вот думаю словами, как в книжках. Может, я шизофреник? Я пишу стихи, но это пройдёт. Папа очень беспокоится за меня, ему нелегко, он думает, что я всё ещё ребёнок. А что думаю я? Не знаю. Возможно, я могла бы замутить с Лёхой, но он оказался козлом. Сам теперь переживает. Но прокололся, такой же задрот, как и все они. Мне этого не надо. И дело не в книжных принцах, просто не интересно всё это. А насчёт книг... Ведь я смогла помочь папе. Именно я! Разве не мо-

ТЕЛЕФОНИСТ

лодец? Как он ругался, что я прочитала эти книги, жесьть была. Правда что ли считает меня мелкой? В их поколении всё было по-другому. Я виновата, что всё читаю, ну нравится мне! А он классный писатель. Что-то понимает про темень в человеческой душе. Больше папы и его коллег. И мне кажется, что он очень несчастный, эта нежная обречённая интонация... мы немножко похожи?! Хотя, может, просто нашёл правильный тон, оседлал своего конька. Он звезда, можно сказать. И симпатия... Блин, о чём я думаю? Но ведь я указала отцу-то на сходство. Что этот плохой тёмный человек (серийный убийца, вообще-то, маньяк, называя вещи своими именами, девочка!) был... последователем. Копировал его книги. И вот сейчас пришла мысль, а не ошиблась ли я? Не поспешила ли с выводами? Хотя папа раскрыл дело. Но как-то тоскливо на душе от этой весны. Надо подстричься. Смотрю фотки, а я хорошенькая. А Лёха козёл, прокололся с Варькой, и пошли они в жопу. Сделаю себе тост с корочкой. Люблю готовить и люблю смотреть, как папа ест. Переживал бы он за меня только поменьше. Иногда невыносим прямо. А Варька всегда была стервой. И даже отлично, что так вышло. Подстричься надо. И лак этот новый для ногтей, как лучше покрасить: цвет через палец или руки разные? А вдруг он начал новую книгу про это? Сумбур в мыслях. Но почему мне так одиноко?

2. Форель

- Перестань разговаривать с компьютером.
- Мадам, ну как можно постоянно ворчать.
- А как можно наводить такой бардак.
- Э-э-э, — но он по привычке поморщился. Ещё недавно за утренним кофе следовала хандра и головная боль — итог перебора с кофе и сигаретами, и чаще всего

РОМАН КАНУШКИН

он вновь заваливался спать. Но как быстро всё проходило. — Не с компьютером. Это голосовая поисковая система. Искусственный интеллект. Самая новая версия. Я ищу слова, чтобы сбить её с толку, пролезть в щёлочки за пределами её алгоритмов, чтобы докопаться... О ней-ролингвистике слышала, короче?

— Ясно. Фигнёй маешься.

— Я бы столь резко не формулировал.

— Когда ты разговариваешь с компьютером, значит, тебе не работается, и ты начинаешь разводить свинарник.

— А вот и нет. Ты ошибаешься.

— А ещё набухиваться, спать днём и приводить в дом не поймёшь кого. Что, опять вернулась к мужу?

— Она от него и не уходила.

— Как дети малые...

— Всех всё устраивает, — сказал он веско и подумал, что ни черта его это больше не устраивает.

— Почему ты не можешь ни на что решиться?

— Потому что у нас муж — очень обеспеченный человек. Разве не это вас, женщин, интересует в конечном счёте?

— Нет. Не только это.

— О да, сто тысяч ассигнациями в огонь...

— Она человек хороший. До неё я была твоим единственным другом.

— Мне она тоже нравится. А ты мне не мать, не душеприказчик и не...

— Ой, слышала.

— Ну да, — сказал он. И удивлённо уставился на неё. Заискивающе улыбнулся. Но она знала его как облупленного. — Всё равно, ты ошибаешься. Я уже десять дней как делаю новую книгу.

— Да что ты! Бреши-бреши... А то я не знаю, какой ты, когда пишешь.

— Не веришь — не надо. Только он... вернулся.

— Кто?! В смысле...

ТЕЛЕФОНИСТ

Он ухмыльнулся. Хитро. Победно подмигнул ей и снова изобразил заискивающую мину. Она ему нравилась. Елена Павловна. Ей могло быть за пятьдесят, но скорее под сорок, судя по наличию малолетней дочери, оставленной на родственников в Крыму. Она работала у него уже три года, убиралась идеально, оставляя после себя сияющий дом. Они давно перешли на «ты», и он прозвал её «Мадам». И никогда бы себе не признался, что успел привязаться к ней.

— Выбрался из своей тьмы и бредёт сейчас где-то там, за окнами, опять затеял расчленёнку.

— Телефонист? — её глаза блеснули, он не определил, чего в них было больше — интереса или брезгливости.

— Ага. Ждала, признайся?

— Я не твоя поклонница.

— Знаю. Поэтому до сих пор тебя не уволил.

— Параноик.

— Так ты рассказываешь обо мне подружкам?

— Нет. Говорю, что ты маньячина только в своих книгах. И в разбрасывании носков.

— А так я белый и пушистый? Милаха?

— О нет. Ты кто угодно, но только не милаха.

— Ну и на том спасибо. Терпеть не могу таких. А... про мой рабочий стол?

— Нет, — сказала она серьёзно. — Про твою священную корову было бы слишком личным. Значит опять... Форель?

— Угу, — он водрузил руки на четыре сложенных столбиком увесистых тома. — Сделаю ещё одну, и будет Пятикнижие. Канон.

— Ох, не знаю. — Мадам нахмурилась.

— Смотрю, не заладилось у вас с Форелью, — его глаза весело заблестели. — А ведь бедняга берёт на себя всю грязную работу.

РОМАН КАНУШКИН

Когда-то Мадам у него спросила, что за дурацкий псевдоним: Микола Васильевич Форель?

— А-а, не бери в голову, — отмахнулся он. — Тупые литературные игры: Николай Васильевич Гоголь, и был такой Килгор Траут, форель по-английски.

— Ну всё равно — зачем? У тебя ведь такое красивое имя...

— Смотри, — сказал он. — Всё просто. Это «Танцующие на крышах» — лучший мой роман. Его даже хвалили. И за три года тираж еле-еле пять тысяч. Со всеми допечатками. Форель же продал в общей сложности где-то пару миллионов. И права на сериалы. Новая книга подстегнёт продажи бэк-листа. Всё даже проще, чем хотелось бы. Но мы не жалуемся.

— Короче, продал душу дьяволу, — заключила она.

Сейчас Мадам смотрела на его довольную физиономию и не могла понять, что не так. Съехались бы они с Ольгой, что ли... Он, что, правда ничего не понимает, или привык бобылём? Ну, паранойя с его кабинетом, особенно с рабочим столом, которого и касаться-то можно только в его присутствии, но в остальном он... действительно милаха.

Потом Мадам сказала:

— Ты обещал купить новый пылесос.

— Купил. Да ещё «Борк». Я хороший?

— Сойдёшь. Я... Ну вот, Телефонист... Я имею в виду, что в конце его вроде бы поймали.

— Ага! — воскликнул он весело. — Значит, ты всё-таки читала.

— Ну-у, — Мадам пожала плечами. — Любопытно же узнать, кто твой работодатель.

— И чего, не понравилось? А автографы для подруг?

— Пишешь ты хорошо, — сказала прямо. — Но о такой гадости.

— Ну да, — кивнул он довольный. — Два миллиона человек тоже так решили.

ТЕЛЕФОНИСТ

— Я к тому, что в четвёртой книге всё закончилось. Там не до конца ясно, ловят его живого или...

— Да, я его закопал! — ухмыльнулся он. — Утопил. Убил гадину!

— Вот именно.

— Пришлось его воскресить. Рынок, читатели... Это они его вернули.

— Читатели виноваты...

— Такое не раз случалось. Остап Бендер, например.

— Это другое, — отрезала Мадам и удивилась неожиданным ноткам раздражения в собственном голосе.

Он посмотрел на неё удивленно:

— Не нравится тебе Телефонист, ясно. Мне тоже. В этом и фишка.

Она поморщилась: и правда, что на неё нашло? В конце концов, это его дело, как обеспечивать свой доход. Молодец парень! Из этого дохода он ей и платит, кстати... Вздохнула; он смотрел на неё и вдруг игриво и менторски протянул:

— Тёмные зеркала, Елена Павловна, тьма человеческой души никогда не заканчивается. Улыбнись ты уже.

— Ладно, — вздохнула ещё раз. — Да всё проще: если твой Телефонист в конце умирает... К тому, что с Бендером не требовалось ничего объяснять.

— Как ты всё чётко просекаешь! — похвалил он. — Да, его надо было вернуть правдоподобно. Что я и сделал. Всё здесь, — удовлетворённо похлопал по листкам бумаги. Удивительно: всё ещё писал рукой, а потом набирал в компьютер. На глаз Мадам определила страниц пятьдесят. — Пришлось подумать, поработать бедной башкой. Десять дней трудов, и наш парень снова с нами.

— Ну, и чего это за фокус? — от её недавней мрачности, к счастью, не осталось и следа.

РОМАН КАНУШКИН

— А вот вспомни внутренние монологи Телефониста, если и вправду читала... Парень ведь настолько свихнулся, что считал себя супергероем.

— Ты что, серьёзно?

— Да нет, — он рассмеялся. — Конечно, я-то так не считаю. Никаких комиксов. Это было бы нарушением жанра. Но сильные психологические сдвиги могут оказывать влияние на физиологию, да как ещё. Йоги, шизофреники и тэ дэ... Всё медицински достоверно и проверено.

— Йоги-шизофреники, — ну вот она и усмехнулась. — Ладно... Рада, что это вывело тебя из депрессии и пьянства. И хоть шлюшек перестанешь таскать.

— Это... были... просто старые знакомые.

— Не моё дело. Прости, случайно с языка сорвалось.

— Всегда подозревал, что Ольга тебе приплачивает.

— У неё ключи твои есть. А если б она...

— Мы поссорились. Сильно.

— Тем более! Доиграешься ты...

— С ней? Я понял: нравится она тебе. Чтоб уж не оставалось с этим вопросов — мне тоже. Наверное, очень. Но всё не так просто. И потом...

— Только не заводи снова про свободных людей.

— Тебе обязательно уезжать?

— Ну, ведь дочь...

— Знаю.

— На месяц всего. И замену себе нашла.

— Знаю.

— В хорошей семье убирает женщина, я её тоже иногда подменяю.

— В кабинет мой пусть не суётся.

— Предупредила уже! Вот ты маньячина всё-таки.

Он почесал за ухом:

— Ну, с Телефонистом не сравнить.

ТЕЛЕФОНИСТ

Она помолчала. И вдруг всё стало предельно ясно: и раздражительность, и это словно наваждение. Сказала тихо:

— Этот маньяк в Тропарёвском парке... Говорят, подражал твоим книгам.

Вот теперь он выглядел искренне удивлённым:

— Мадам, ну ты даёшь! Верить байкам из интернета?! Не путай причину со следствием.

— Да не путаю я... И вот следователь этот...

— Послушай: Форель пишет всего три года. А паренюку тому за тридцать. На порядок больше. И он уже много лет орудует, — снова почесал за ухом. — А вот поймали его точно благодаря моим книгам.

— К тому, что следователь этот даже некоторое время тебя самого подозревал.

— Да знаю я всё! Подозрительный параноик.

— Кто бы говорил.

— Следак Сухов, Ваше благородие... — вдруг насмешливо пропел он. — Не, ну доля паранойи — часть его работы, но... ведь и пределы видеть надо.

— Всё, как в твоих книгах: рассматриваешь все варианты, и когда их отбрасываешь, самый немислимый оказывается верным.

— Тогда Телефонистом должна была быть ты.

— Очень смешно. Вот уж у кого не заладилось, так это у вас с Суховым.

— Да нормальный мужик. Лёха и Лёха. Кстати, будет в новой книге.

— Зачем тебе?

— Интересный экземпляр. Явный когнитивный диссонанс.

— Говори по-русски.

— Думаю, он вор. Но искренне верит в «чистыми руками».

РОМАН КАНУШКИН

— Чёй-то?! — Мадам сухо нахмурилась. — Ты поймал его на взятках?

— Слушай, у нас не Лос-Анджелес. Менты под прикрытием не ездят на спортивных «БМВ». Всё проще.

— У него дочь-подросток. И он её воспитывает один, кстати.

— А я чего? Я не в претензии. Я сам вор. Уже ободрал пару миллионов человек и собираюсь нагреть ещё больше.

— Хмм...

— У нас здесь не стерильный Запад. У нас нормальная пацанская страна. И по-пацански мы все правы.

Теперь пришла ей очередь усмехнуться:

— Сливаешься со своими персонажами?

— Отчасти.

— Значит, решил вот так отомстить Сухову? А мне кажется, он очень неплохой человек.

— Мада-ам...

— А к тебе с недоверием относятся все. Кроме Ольги. И меня. И правильно.

— Чёрт... — он изобразил расстроенную мину. — Собаку, что ли, завести?

Мадам приступила к уборке, и его беззаботное насвистывание утонуло в звуке работающего пылесоса. За окнами таял снег. Так или иначе, весеннее обострение коснётся всех. Она вдруг вспомнила о своей бабке: та лечила народными знахарскими средствами и неплохо гадала, за что соседи в шутку прозвали её «конотопской ведьмой». Бабушка умела ещё кое-что... Кстати, интересно, её так же звали — Еленой Павловной. На какое-то мгновение Мадам остановилась. Пылесос продолжал гудеть, но его звуки несколько отдалились. Мадам смотрела в пустоту между собой и окнами, за которыми таял снег. Её раздражительность никуда не ушла. И дело не в том, что ей понравил-

ТЕЛЕФОНИСТ

ся следователь Сухов, незаслуженно обозванный «вором». И теперь она знала, за раздражительностью скрывалось
(выбрался из своей тьмы)

что-то намного более неприятное. И это напугало её. «Телефониста» — не литературного персонажа, а реального — поймали благодаря его книгам. Сухов подозревал, к счастью, всё обернулось по-другому. И действительно, Форель пишет всего три года, но...

— Чушь! — выдавила Мадам, возвращаясь в привычный мир. — Это никак не связано.

Никак. Чего бы там ни произнёс бабушкин голос, оставленный в детстве.

«Не вовремя я уезжаю, — вдруг подумала Мадам, продолжая уборку. — Лучше б ты уже оставил эту чёртову Форель в покое».

Конотопская ведьма и весеннее обострение... Всё это существовало за пределами привычного мира. Как и Телефонист. Его поймали благодаря книгам, которые написал Форель, связав реальный и выдуманный мир. Поймали, всё так. И теперь он вернулся.

3. Вести из тёмной зоны (девушки: живая и неживая)

...Они меня никогда не найдут. Место, куда я уйду, в их Вселенной не существует. И им приходится иметь дело с кем-то другим. Всегда с кем-то другим. Потому что они ошибаются, а я нет.

Она оставалась связанной уже не меньше четырёх часов. Точнее, четырёх — с тех пор, как он ушёл. И хоть бандаж был сделан искусно, не причинял болевых ощу-

РОМАН КАНУШКИН

щений, тело начало затекать. И очень хотелось пить. Вероятно, это тоже часть игры. Так она думала. По крайней мере, некоторое время назад. Она на всё согласилась сама. Он предложил, и она согласилась. Хотела попробовать, давно хотела. Её руки были жёстко закреплены вдоль тела при помощи колодок, ноги разведены в стороны и закреплены бандажными ремнями так, что опустить она их не могла — ремни крепились цепями на уровне её плеч. Она была беспомощна и почти неподвижна, могла лишь немного смещаться вдоль деревянной поверхности стола. Как она и хотела. По крайней мере, когда всё начиналось. Ей удалось чуть сдвинуться, чтобы голова не оставалась на весу, хотя ребро стола с каждой минутой всё невыносимей впивалось в затылок. Тогда она сдвигалась к краю, голова опрокидывалась, и к ней тут же приливалась кровь. Когда он был с ней, это тоже было частью игры. Кожаный ошейник, прикреплённый такой же цепью к поясу, он ослабил. Собственно говоря, это была вся оставленная ей свобода движения. И ещё он оставил её голой. Выскользнул из комнаты, словно на несколько минут. На пол упала плётка. Он хлестал её, но... терпимо. Она даже не ожидала от себя, что, наверное, смогла бы вытерпеть сильнее. И ей понравилось; не сразу, но очень понравилось. Она многого от себя не ожидала. И прежде всего, полного доверия к абсолютно незнакомому человеку. Как только она переступила грань и полностью оказалась в его власти, пришло это доверие... Тоже ведь странно.

— Ты давно этого хотела, — он мягко взял её руку и быстро закрепил колодку; болт вкручивался в деревянную поверхность стола. — Твоё тело рассказало больше тебя, — взял вторую руку. — Холодная... Не бойся.

— Не боюсь.

— Я всё вижу, — он склонился прямо к её лицу, вглядываясь в неё своими разноцветными глазами, и ничего,

ТЕЛЕФОНИСТ

кроме мягкости и нежной заботы она в них не увидела. Улыбнулся. — Я тебя освобожу. Пришло время поиграть?

— Что? — в горле чуть пересохло. Она ещё что-то попыталась уточнить про «стоп-слово», хотя вроде бы уже всё обсудили.

— Ты дрянь? — сказал он. И резко потянул цепь ошейника в сторону.

— Я-я-а-а? — наверное, она хотела потянуть время или сообщить, что ещё не совсем готова, но с её губ сорвался лишь хрип.

— Ты мне благодарна? Так хотела, а-а? Грязная шлюшка...

И это было начало.

— Сухов слушает. Аллё, говорите... Аллё?!

Молчание. Шумы, еле слышный скрип, как от заезженной пластинки. Сухов нахмурился, быстро посмотрел по сторонам: кто-то решил его разыграть? Кто-то из коллег?! Не угомонятся никак...

Сквозь шероховатые скрипы еле слышное: «Следак Сухов»... Хотя, возможно, показалось. Страхи... Беспокойство и страхи, ведь так, следак Сухов?

Скрипы закончились. Заезженная пластиночка заиграла. И музыка та же самая...

Сухов сглотнул, подступивший ком показался сухим и словно с острыми краями. На пробковой панели перед ним разноцветными кнопками были прикреплены фотографии: девушки. Потерпевшие, живые и... то, что он с ними сделал. В центре такое же небольшое фото картины Эдварда Мунка «Крик». Кое-кто полагал её на этой панели неуместной. Ещё тогда Сухов пытался найти, нащупать какую-либо связь между жертвами, пристально разглядывая фотографии живых, а потом остальные.

РОМАН КАНУШКИН

И не нашёл. Если не считать этой репродукции Эдварда Мунка.

Сухов крепче сжал телефонную трубку и почему-то подумал: «Удивительно, а ведь оригинал оказался совсем небольшим, скромного размера картина».

— Я тебя поймал, — сказал он.

Музычка; его реплику проигнорировали; наверное, Сухов побледнел или вспотел, потому что внимание коллег теперь было приковано к нему. Он поднял руку, жест, требующий полного внимания:

— Кто говорит?!

— Пришло время поиграть, — ровно, без эмоций и вне диалога, просто сообщение. И голос... Тот самый? Или это страхи?

— Я тебя поймал! — жёстко выдавил Сухов, почти сорвался на крик. И тут же пожалел об этом. Поднятый вверх указательный палец коснулся телефонной трубки и описал в воздухе круг. Шершавые скрипы и музычка ушли на дальний план. В трубке прозвучало:

— Не надо определять телефон. Всё по-старому...

Голос, очень похожий на тот. Хотя, возможно, это игра записями, потому что...

«Я его поймал», — подумал Сухов. И услышал: теперь сообщение стало чуть более личным, по крайней мере, со смешком:

— Но на этот раз немножко помогу. Записывай адресок. Может, успеешь.

Она стала замерзать, хотя в квартире вовсю работало отопление. И очень хотелось пить. Хоть бы стаканчик воды, хотя бы глоточек. Вон там, на кухне, холодильник, и в нём, наверное, много всего... да чего уж, и кран для мытья посуды подойдёт, лишь открыть — и вода, хлори-

ТЕЛЕФОНИСТ

рованная, не самая вкусная московская вода, но она не привередлива...

Но куда он мог запропасться так надолго? Он ведь просто вышел через ту дверь, там оставалась его одежда, но... В какой-то момент она не совсем понимала, что он говорит, лишь слушала его низкий, чуть хриплый голос, который ей сразу

(показался очень сексуальным?)

понравился, но... вроде бы он что-то сказал. Возможно, «я сейчас», возможно, ещё что-то...

Ей бы высвободиться, и глоток воды, чтобы голова прояснилась. Чёрт, а ведь никто не знает, где она, никому ничего не сказала, что понятно: слишком интимное намечалось приключение. Никому ничего... дура! Ну, у Насти, хоть и лучшая подруга, язык без костей, пересудов потом не избежать, но можно было бы найти способ... Да таких способов полно! А теперь она здесь связана, беспомощна, и никто, кроме него, этого не знает. Никто, кроме него, не придёт на выручку. Это тоже часть игры? Или что-то пошло не так? Или... вот, пожалуй, главный вопрос. А вдруг с ним что-то случилось? Тупо сердечный приступ или сбила машина? Она нервно усмехнулась, вспомнив анекдот на схожую тему, и поняла, насколько высохло горло. Ничего весёлого в её положении нет. Ну как можно было быть настолько безответственной. Дура!

Никто, кроме него, ей не поможет. А если попытаться кричать, звать соседей, ведь это обычная московская квартира. Да только... она лучше умрёт тут от холода и жажды, чем позволит найти себя такой! Голой, связанной, с разведёнными ногами... На это тоже был расчёт?

«Ты благодарна мне?» — вспомнились его слова. Скорее всего, так было задумано с самого начала: лишить её собственной воли, сделать полностью зависимой от него, от его гнева и его милости. Он ведь предупреждал, что